

Признание / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 23 января, 2025

Признание / рассказ ПРИЗНАНИЕ

Полуденное солнце потоками льется на поля. Волнистые, раскинулись они меж купами деревьев, обступивших фермы; спелая рожь, желтеющая пшеница, светло-зеленый овес и темно-зеленый клевер одевают длинным полосатым покровом, струистым и мягким, нагое чрево земли.

На вершине бугра в ряд, как солдаты, вытянулись бесконечной вереницей коровы; лежа или стоя, они жуют жвачку и щиплют клевер на широком, как озеро, поле, прищурив под ярким солнцем огромные глаза.

Две женщины, мать с дочерью, вразвалку идут, одна за другой, по узкой, протоптанной в хлебах тропинке к этому стаду коров.

Обе несут по два цинковых ведра на обруче от бочки, держа их далеко от себя, и при каждом шаге женщин солнце, ударяя в металл, бросает слепящий белый отсвет.

Они не разговаривают. Они идут доить коров. Приходят, ставят наземь ведра, направляются к первым двум коровам и поднимают их пинком деревянного башмака в бок.

Коровы медленно встают, сначала на передние ноги, затем с трудом приподымают широкий зад, который кажется еще тяжелей от огромного белого, грузно свисающего вымени.

Тетка Маливуар и ее дочь, опустившись на колени под самым брюхом коров, тянут сильным движением пальцев набухший сосок, и всякий раз, как они его сжимают, в ведро падает тоненькая струйка молока. Чуть желтоватая пена поднимается по краям, и женщины переходят от коровы к корове, до конца их длинного ряда.

Подойв одну корову, они переводят ее на новый клочок пастбища, с не ощипанной еще травой.

Затем отправляются в обратный путь более медленным шагом, нагруженные ведрами, полными молока; мать впереди, дочь позади.

Но вдруг дочь, разом остановившись, поставила свою ношу, села и расплакалась.

Тетка Маливуар, не слыша за собой шагов, обернулась и от удивления застыла на месте.

– Что с тобой? – спросила она.

И дочь, Селеста, рослая, рыжая, с огненными волосами, с огненно-красными щеками, вся в веснушках, как будто огонь брызгами попал ей на лицо, когда она причесывалась однажды на солнышке, пролепетала, тихонько всхлипывая, как побитый ребенок:

– Невмоготу мне больше таскать молоко.

Подозрительно взглянув на нее, мать повторила:

– Да что с тобой?

Селеста повалилась на землю между ведрами и, закрывая лицо фартуком, ответила:

– Очень уж тянет. Невтерпеж!

Мать в третий раз спросила:

– Да что же с тобой, говори!

Дочь простонала:

– Боюсь, беременна я!

И зарыдала.

Тут и старуха поставила ведра, до того опешив, что не нашлась, что сказать. Наконец, запинаясь, она проговорила:

– Ты... ты... Ты беременна, мерзавка? Ты что, сдурела?

Маливуары были богатые фермеры, люди с большим достатком, степенные, уважаемые, хитрые и влиятельные. Селеста пробормотала:

– Да нет, боюсь, что вправду.

Мать ошеломленно смотрела, как дочь лежит перед ней и плачет, и вдруг закричала:

– Так ты беременна? Ты беременна? Где ж ты это нагуляла, шлюха?

Селеста, вся вздрагивая от волнения, прошептала:

– Думается мне, в повозке у Полита.

Старуха старалась понять, угадать, узнать, наконец, кто же Виновник такого несчастья. Если это парень богатый и у людей в почете, то, умеючи, может все уладить, и тогда это еще

полбеда: такие дела случаются с девушками, Селеста не первая и не последняя. Но все-таки неприятно: пройдет дурная слава, а ведь они у всех на виду. Она спросила:

– Кто ж это с тобой сделал, потаскуха?..

И Селеста, решившись все рассказать, шепотом произнесла:

– Да, наверно, Полит.

Тут тетка Маливуар в ярости бросилась на дочь и принялась колотить ее с таким остервенением, что потеряла с головы чепец. Она била ее кулаком по голове, по спине, куда попало, а Селеста, растянувшись во всю длину меж двумя ведрами, которые немножко ее защищали, прикрывала только лицо ладонями.

Коровы от удивления бросили щипать траву и, повернувшись, смотрели на них большими выпуклыми глазами. Крайняя замычала, вытянув морду по направлению к женщинам.

Тетка Маливуар устала бить, запыхалась и, приходя понемногу в себя, попыталась разобраться в том, что произошло:

– Полит! Матерь божья, да как же это приключилось? Как ты могла? С кучером дилижанса? Ты что, рехнулась? Не иначе, как он тебя приворожил, прощелыга!

Селеста, все еще уткнувшись лицом в пыль, тихонько сказала:

– Я не платила за проезд.

И старая нормандка все поняла.

Каждую неделю, по средам и субботам, Селеста возила в городок продукты с фермы: птицу, сливки и яйца.

Она отправлялась в семь утра с двумя большими корзинками: в одной – молочные продукты, в другой – птица; выходила на большую дорогу и дожидалась там почтовой кареты из Ивето.

Поставив корзины наземь, Селеста садилась на край канавы; куры с коротким острым клювом, утки с широким плоским носом, просунув головы сквозь ивовые прутья, таращили круглые, глупые и удивленные глаза.

Подкидывая задок в такт неровной рысце белой клячи, вскоре подъезжал неуклюжий рыдван, нечто вроде желтого сундука с крышкой из черной кожи. И кучер Полит, веселый, здоровенный малый, с брюшком, хотя и молодой, до того опаленный солнцем, исстеганный ветрами, вымоченный ливнями и покрасневший от водки, что лицо и шея стали у него кирпичного цвета, кричал

еще издали, пощелкивая кнутом:

– Здравствуйте, мамзель Селеста! Как здоровье? Как живете?

Она протягивала ему одну за другой корзины, он ставил их на империал. Затем Селеста задирала ногу, чтобы вскарабкаться на высокую повозку, и показывала толстые икры, обтянутые синими чулками.

И всякий раз Полит отпускал одну и ту же шутку:

– Смотри-ка, они не похудели.

И Селеста смеялась, находя это забавным.

Затем раздавалось: «Но-о-о, Малютка!» – и тощая лошадь трогалась в путь.

Селеста, достав кошелек из глубокого кармана, медленно извлекала десять су – шесть за себя и четыре за корзины – и через плечо передавала их Политу. Тот брал их, говоря:

– Ну как, а забавляться-то еще не сегодня будем? И он хохотал от всей души, повернувшись всем туловищем, чтоб удобнее было на нее смотреть.

Она с болью в сердце отдавала всякий раз полфранка за три километра пути. А когда у нее не случалось медяков, она страдала еще больше, никак не решаясь разменять серебряную монету.

И как-то раз, платя ему, она сказала:

– А ведь с меня, как я постоянно езжу, вам бы не надо брать больше шести су, а?

Он засмеялся:

– Шесть су, красавица? Нет, вы стоите дороже, право.

Она настаивала:

– Для вас это не составило б и двух франков в месяц.

Настегивая свою клячу, он закричал:

– Идет, я парень сговорчивый, я уступлю вам, а мне чтоб за это была забава.

Она простодушно спросила:

– Про что это вы говорите?

Его это так рассмешило, что он даже закашлялся от хохота.

– Забава, черт возьми, и есть забава. Ну, какая бывает забава у девки с парнем, когда они пляшут вдвоем, только без музыки.

Она поняла и, покраснев, заявила:

– Такая забава не по мне, господин Полит.

Но он не смутился и повторил, все больше и больше потешаясь:

– Не миновать вам этой забавы, какая бывает у девки с парнем.

И с той поры всякий раз, как она ему платила, он завел привычку спрашивать:

– Ну как, забавляться-то еще не сегодня будем?

Теперь и она тоже отвечала шуткой:

– Сегодня нет, господин Полит, а уж в субботу непременно.

И он кричал, смеясь, как всегда:

– Ладно, красавица, в субботу, значит.

Все же про себя она прикидывала, что за два года поездок с Политом она переплатила добрых сорок восемь франков, а в деревне сорок восемь франков на дороге не валяются; она подсчитала также, что еще через два года это встанет ей около ста франков.

И как-то раз, в весенний день, когда они ехали одни и он, по обыкновению, спросил ее: «Ну как, забавляться-то еще не сегодня будем?» – она ответила:

– Как вам будет угодно, господин Полит.

Он несколько не удивился и, перешагнув через заднюю скамейку, довольный, пробормотал:

– Ну вот и хорошо. Я ведь знал, что так и будет.

Старая белая кобыла поплелась таким медленным шагом, что казалось, она топчется на месте, глухая к окрику, который время от времени доносился из повозки: «Но-о-о, Малютка! Но-о-о, Малютка!»

Три месяца спустя Селеста заметила, что она беременна.

Все это она плачущим голосом рассказала матери, и старуха, побелев от гнева, спросила:

– Сколько же ты выгадала?

Селеста ответила:

– За четыре месяца восемь франков наверняка. Тут бешенство крестьянки прорвалось, она бросилась на дочь и опять начала ее так бить, что у самой дух занялся. Потом, придя немного в себя, спросила:

– Ты сказала ему, что беременна?

– Ясное дело, не сказала.
– Почему не сказала?
– Да он опять бы заставил меня платить. Старуха задумалась, потом, взявшись за ведра, проговорила:
– Ну, ладно, вставай и постарайся дойти.
И, помолчав, добавила:
– Смотри, ничего ему не говори, пока сам не заметит, чтоб нам этим попользоваться до седьмого, а то и до девятого месяца.
Селеста поднялась, все еще плача, растрепанная, с распухшим лицом, и продолжала путь тяжелым шагом.
– Ясное дело, ничего не скажу, – буркнула она.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 22 июля 1884 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994

Перевод Н.Аверьяновой. Neкаýalar